

**ПОДКАРПАТСКЪ
НАРОДНЪ
КАЗКИ**

III.

УНГВАРЪ, 1943

ВЫДАНИЯ ПОДКАРПАТСКОГО ОБЩЕСТВА НАУКЪ

Редагуе и за редакцію отповѣдае:

Д-ръ Иванъ Гарайда.

*ЗА БѢДНОГО ЧОЛОВѢКА,
ТА ЗА ТАЙСТРИНУ,
ЯКА СВОЕ ДѢЛО РОБИЛА*

Живъ десь, де не живъ, живъ разъ одинъ бѣдный чоловѣкъ. Не мавъ онъ богатства, ани газдовства, только много дѣтей. Дѣти были — хвала Богу — всѣ здоровѣ, якъ той букъ, та все ѣсти пресли.

— Чимъ я ихъ можу годовати, коли ни хлѣба, ни молока у хатѣ? — сказала разъ жона бѣдного чоловѣка.

Зобрався тогда бѣдный чоловѣкъ та сказавъ:

— Доти мене до дому не чекайте, доки я только не зароблю, чтобы вамъ сюды коровку могъ привести!

Куды онъ ходивъ, куды не ходивъ, якъ зароблявъ, якъ не зароблявъ, я то вже не знаю, только знаю, что бѣдный чоловѣкъ ни до школы не ходивъ, ни отъ своего няня не научився грошѣ познавати та личити.

Зато, якъ онъ заробивъ якѣсь грошѣ, поклавъ у свою тайстрину, такъ ихъ збиравъ.

Коли грошей назбиралося много и бѣдный чловѣкъ думавъ, что буде ихъ доста на одну коровку, вернувся до дому.

Тайстрину изъ плечей знявъ, грошѣ на столъ высыпанъ та сказавъ:

— Ходи, жоно, ходѣть и вы, дѣти, та поличѣть, ци есть доста на одну корову?

Прийшла жона, прийшли и дѣти, дивилися на грошѣ, перебирали, перекладовали, та ниякъ не могли дочислити, бо грошей ани они не познавали.

Зажурився бѣдный чловѣкъ, якъ то онъ те перь собѣ коровку купити, коли не знае, ци есть въ него доста грошей.

Каже ему его жона:

— Збери ты своѣ грошѣ у тайстрину та до сусѣда, богача, понеси. Онъ много грошей мае, все своѣ грошѣ личить, перекладае, та и твоѣ поличить и скаже, ци можешъ изъ ними пойти на торгъ, коровку купити!

Такъ и зробивъ бѣдный чловѣкъ. Пошовъ до свого сусѣда, богача, та его грошѣ поличити попросивъ.

Почавъ богачъ бѣдного чловѣка грошѣ личити та доти ихъ перебиравъ, перекладавъ, та личивъ, что половину изъ нихъ укравъ.

Каже тогды бѣдному чловѣкови:

— На коровку у тебе грошей мало. Хйба телятко собѣ изъ нихъ купишь.

— Что менѣ изъ телятка? Якъ я тогда моихъ дѣточокъ молокомъ годовати буду? — журился бѣдный чловѣкъ.

А богачъ каже ему:

— Зато ты не журися, у мене грошей богато, я тобѣ позычу та тобѣ коровку купити поможу.

Зрадоваяся бѣдный чловѣкъ та позычизъ отъ богача своѣ грошѣ, якѣ тотъ отъ него укравъ.

Пошовъ на торгъ, та купивъ собѣ коровку. Зрадовалася жона, зрадовалися и дѣти, бо коровка каждого дня три разъ свѣжимъ молочкомъ ихъ годовала.

Минувъ мѣсяць, минули два, може и три минули, почавъ богачъ просити, почавъ и грозити бѣдного чловѣка, чтобы ему позыченѣ грошѣ отдавъ.

Доти просивъ, доти грозивъ, что бѣдный чловѣкъ мусѣвъ погнати коровку на торгъ, та еѣ тамъ продати, чтобы могъ богачеви позыченѣ грошѣ отдати.

Якъ понесъ богачеви всѣ грошѣ, якѣ онъ за коровку доставъ, почавъ богачъ личити. Доти ихъ перебиравъ, перекладывавъ та личивъ, что половину изъ нихъ укравъ и сказавъ:

— Якъ ты свою коровку продавъ? Ани только грошей не принесъ, колько ты менѣ довжень?

Журился бѣдный чоловѣкъ, что теперь буде? Ни коровки не есть, ани довгъ свой не могъ отдати!

Богачъ потѣшавъ его:

— Зато не журился, я на довгъ почекаю!

Чекавъ богачъ мѣсяць, два, може и три почекавъ, та почавъ знова бѣдного чоловѣка просити, почавъ и грозити, чтобы ему свой довгъ заплативъ.

Зобрався тогда бѣдный чоловѣкъ опять та сказавъ:

— Доти мене, моя жоно, та дорогѣ дѣточки, до дому не чекайте, доки я только грошей не найду, не зароблю, чтобы могъ свой довгъ заплатити, та чтобы и коровку вамъ купивъ!

Пошовъ бѣдный чоловѣкъ у свѣтъ службу глядати, грошей заробляти. Та бывъ уже старый, нигде службы не могъ достати, ани грошей заробити. Тутъ-тамъ дали ему скибку хлѣбця, блюдце стравы, але грошей нигде не доставъ, нигде не заробивъ.

Довго онъ такъ по свѣтѣ ходивъ, та чимъ дальше, все больше журился, что своихъ дѣточокъ николи не увидитъ. Бо николи онъ только не заробитъ, чтобы и свой довгъ могъ отдати, а ще и коровку могъ купити.

Якъ такъ ходивъ вандруючи та журился, свѣтъ разъ при дорозѣ коло креста отпочинути. Якъ

тамъ сидѣвъ, ишовъ туды старый жebraкъ, тай и тотъ коло него сѣвъ. Почали они розмовляти, та бѣдный чоловѣкъ всю свою журу розказавъ. Еще ани того не забывъ сказати, якъ онъ до богача своѣ грошѣ поличити понестъ.

Каже тогды тотъ жebraкъ бѣдному чоловѣкови:

— Знаешь что, бѣдный чоловѣче? Не ходи ты уже по свѣту вандруючи, иди ты до дому та своихъ дѣточокъ на добро научай!

— Ишовъ бы я, ишовъ, — отповѣвъ бѣдный чоловѣкъ — але, что имъ ѣсти дамъ, коли ни хлѣба, ни коровки.

— Дамъ я тобѣ свою тайстрину — сказавъ на то жebraкъ. — Якъ сей тайстринѣ скажешь: — Тайстрино роби свое дѣло —, то тайстрина и тебе и твоихъ дѣточокъ нагодуе!

Бѣдный чоловѣкъ и вѣривъ, и нѣтъ. Взявъ отъ жebraка его цураву, роздерту тайстрину, та изъ нею до дому повернувся.

— Ци ты грошей принесъ, ци коровку намъ купишь? — зазвѣдали дѣти.

— Не принесъ, — отповѣвъ бѣдный чоловѣкъ.

Почали дѣти плакати, что они ѣсти будутъ? Почала и жона сважатися, что куды онъ блукавъ, коли ничего до дому не принесъ?

Тогды сказавъ бѣдный чоловѣкъ:

— Сядьте за столъ, я васъ всѣхъ заразъ нагодную!

— Тайстрино, роби свое дѣло!

Сѣли они за столъ. Бѣдный чоловѣкъ взявъ жебракову тайстрину та сказавъ:

Якъ то сказавъ, почали изъ тайстрины сыпати-ся всякъ найлѣпшѣ стравы. Якъ одну зѣли, вже на столѣ иншѣ стояли.

Якъ они все насытились, наѣлися, сказавъ бѣд-ный чоловѣкъ своей тайстринѣ:

— Тайстрино, лиши свое дѣло!

Тогда тайстрина стяглася, заперлася, ничего въ ней не было, ничъ изъ ней не выходило. —

Была теперь радость у хатчинѣ бѣднаго чоло-вѣка! Малѣ дѣти, коли имъ только захотѣлося, все ѣли, молочка пили, тайстрина имъ все, что лише зажелали, на столѣ причаровала.

Почали рости малѣ дѣти, почали и тыги. И самъ бѣдный чоловѣкъ та его жона такъ утыли, что вже ледвы могли вылѣзти черезъ дверъ малой хатчины.

Чудовався сусѣдъ богачъ, отъ чого се бѣдный чоловѣкъ, его жона, та его дѣти тыють, коли ни хлѣбця, ни коровки не мають, ани одну крумплию отъ него не позычать?

Доти чудовався, что разъ и пошовъ до свого сусѣда та зазвѣдавъ.

Бѣдный чоловѣкъ своему сусѣдови, богачеву, дуже зрадовався, взявъ свою тайстрину та заразы

нею и похвалился, та показавъ, что его тайстрина знае.

Не могъ богачъ отъ того часу спокойно спати. Доти ходивъ до бѣднаго чоловѣка, доти его просивъ, переговорѣвавъ, что отъ бѣднаго чоловѣка тайстрину выдуривъ, за мѣшокъ грошей купивъ.

Бѣдный чоловѣкъ не познававъ грошѣ, не знавъ изъ ними газдовати. Не минувъ мѣсяць, не минули два, вже изъ мѣшка грошей ани грейцаря не мавъ. Почали его дѣточки худнути, марнѣти.

Якъ они вже дуже зголоднѣли, не могъ бѣдный чоловѣкъ дале на нихъ дивитися, зобрався та пошовъ опять у свѣтъ. Думавъ, что може теперь заробить, хотъ только, чтобы коровку купивъ.

Ци довго онъ вандровавъ, ци нѣтъ, я вже не знаю, доста того, что десь на отпустѣ стрѣтився знова изъ тымъ старымъ жебракомъ, який ему того часу тоту тайстрину подаровавъ.

Бѣдный чоловѣкъ, якъ жебрака увидѣвъ, хотѣвъ его обыйти, отъ него утечи, бо дуже, дуже за свою дурноту ганьбився. Але жебракъ переставъ его та сказавъ:

— Знаю, чому ты мене обходишь, чому отъ мене утечи хочешь! Продавъ ты мою тайстрину богачеву, а теперь твоѣ дѣти знова изъ голоду умирають.

Зачудовався бѣдный чоловікъ, отки сей старый жебракъ все такъ добре знае? Заплакавъ та все жебракови розказавъ, якъ они добре жили, якъ отъ него богачъ тайстрину выдуривъ, якъ теперь его изъ своей хаты выганяе и якъ его дѣточки голодуютъ.

Сказавъ тогда жебракъ:

Дамъ я тобѣ теперь другу тайстрину! Пойди ты до богача, та даякъ его тайстрину на сесю вымѣняй, дальше вже тайстрина зробиць свое дѣло та и твое у порядкуе!

Подяковавъ бѣдный чоловікъ, дому.

Богачъ, якъ учувъ, что бѣдный чоловікъ повернувся, заразъ за нимъ и пославъ. Хотѣвъ знати, что бѣдный чоловікъ изъ собою принесъ и что могъ бы отъ него опять выдурити.

Пошевъ бѣдный чоловікъ до богача, гостей повна хата. Богачъ всѣхъ своихъ кумовъ родаковъ та знакомыхъ богачевъ до себе покликавъ, своею тайстриною передъ ними хвалитися хотѣвъ.

Якъ богачъ его увидѣвъ, заразъ и зазвѣдавъ:

— Ходи, ходи та менѣ розкажи, что ты изъ собою опять принесъ?

— Ничого я теперь не принесъ, ничего не зробивъ — сказавъ бѣдный чоловікъ.

— Та коли и не принесъ, ходи, сядь тутъ край

стола, та изъ нами гоститися будешь — кликавъ его богачъ.

Бѣдный чоловѣкъ на то сказавъ:

— Не могу я изъ такими панами та богачами при одномъ столѣ сидѣти. Коли дозволишь, я собѣ тутъ въ кухни сяду!

Сѣвъ собѣ бѣдный чоловѣкъ въ кухни, бо видѣвъ, что тамъ на клинци его старѣ тайстрина висить.

Доки богачъ своихъ гостей до стола садивъ, бѣдный чоловѣкъ вымѣнявъ жебракову тайстрину изъ тою, что на клинци висѣла.

Якъ гостѣ всѣ до стола сѣли, зачали богача допрошовати:

— Чимъ ты насъ гостити будешь, коли у тебе ни не варять, ни не печуть, у кухни ани огонь не горить?

Засмѣявся богачъ, взявъ изъ клинця тайстрину та сказавъ:

— Дивѣться, чимъ я васъ гостити буду!

Тогда сказавъ тайстринѣ:

— Тайстрино, тайстрино, роби свое дѣло!

Чекавъ богачъ, что тайстрина зачне, якъ звывала, сыпати изъ себе всякъ найлѣпшѣ стравы и напитки.

Та теперь — чуйте такое — изъ тайстрины выскочивъ читавый бучокъ та почавъ масити гостей и богача то по хребтѣ, по головѣ, то куды попало.

Подхопилися гостѣ, закричали, заревали, та тайстрина лише робила свое дѣло.

Почавъ богачъ на тайстрину кричати:

— Тайстрино, лише свое дѣло!

Та дармо кричавъ, тайстрина лише робила свое дѣло.

Гостѣ всѣ порозтѣкалися. Бучокъ почавъ тогды мастити сазбого богача.

Почавъ богачъ просити бѣднаго чоловѣка:

— Чоловѣче божий, отпусти моѣ грѣхи, я тобѣ и тайстрину и твоѣ грошѣ, что отъ тебе укравъ поверну, только сесю бѣду изъ мого тѣла отжени!

Пошептавъ тогды бѣдный чоловѣкъ тайстринѣ:

— Тайстрино, докончи свое дѣло!

Тогды бучокъ еще разъ читаво луснувъ по хребтѣ богача та въ тайстрину влѣзь.

Передавъ богачъ бѣдному чоловѣкови тайстрину, вернувъ ему и грошѣ, что отъ него укравъ, та отъ того часу бѣдныхъ дурити, окрадовати переставъ.

А бѣдный чоловѣкъ отъ того часу жие изъ своими дѣточками та изъ своєю жоною въ щастю та въ достаткахъ, бо одна тайстрина ихъ все нагѣдуе, а друга, коли якась дѣтина бы того потребовала, то на добро научае.

Якбы вы потребовали такой тайстрины, то найдѣть бѣднаго чоловѣка та отъ него вызычѣть. Може, тоту другу вамъ и позычѣть!

ЗА ИВАНА, КОТРЫЙ НА ПИЩАЛОЦЦЪ ГРАВЪ

Десь въ стодесятѣ хотарѣ, за малыми поточками та за рѣчкою, живѣ собѣ разѣ бѣдный чловѣкъ. Мали они свою хатчину и нивку малу, такѣ змогли собѣ жити хотѣ и не въ богатствѣ, але въ достаткахѣ.

Та мали они и одного сына, Ивана. Якѣ Иванъ выросѣ, ставѣ читавымѣ легинемѣ, каже онѣ своимѣ родичамѣ:

— Что я тутѣ буду изѣ вами у малой хатчинѣ сидѣти, та хлѣбець вашѣ заѣдати? Пойду я у свѣтѣ, хотѣ чогосѣ научуся, та свой хлѣбѣ самѣ собѣ зароблю!

Не сказали ему его родичѣ на се ни доброго, ни злого. Мати его спекла паленицю, поклала въ тайстрину кусокѣ солонины та одну цибулю и пустила Ивана, най иде, най познае, якѣ у свѣтѣ бывае, най чогосѣ и научиться и най самѣ собѣ свой хлѣбѣ заробить.

Якѣ онѣ по свѣтѣ ходивѣ, вандровавѣ, достався разѣ у темный, густый лѣсѣ. Якѣ тамѣ иде, чуе, что ктосѣ на него кричить:

— Освободи ты мене, добрый чоловіче, я тобѣ отдячуся!

Дивиться Иванъ, кто то до него такъ говорить, та видить межи тернинами маленький карликъ собою бѣ та не може изъ помежи корчовъ. изъ помежи тернины вылѣзти. Довга его борода змоталася въ тернину, та не може еѣ освободити.

Засмѣявся Иванъ. бо ще николи такого маленького чоловічка не видѣвъ, что у него борода и десятьразъ довшя, чимъ онъ самый завысский.

Та и пожаловавъ маленького чоловічка. Взязъ свой топорецъ та зробивъ дорожку межи терниною, потому красно вымотавъ карликову довгу бороду та его изъ терня высвободивъ.

Дяковавъ карликъ, не могъ надяковатися та сказавъ Иванови:

— Приси отъ мене хоть что, я тобѣ дамъ, бо изъ великой бѣды ты мене выратовавъ! Я бы бивъ самъ николи стти не вымотався!

Засмѣявся Иванъ еще больше:

— Что бы я отъ тебе могъ просити, коли и самого цѣлого чоловічка, изъ твоею довгою бородою вѣдно, могъ бы я въ свою тайстризу покласти?

— Та вже ты чтось запроси, бо я хочу тобѣ отдячитися! — пильновавъ малый чоловічокъ.

Увидѣвъ тогда Иванъ, что у малого чоловічка

на шиѣ пантличкомъ привязана мала пищалочка висить.

Сказавъ малому чоловічкови:

— Та коли ты мене обдаровати хочешъ, дай менѣ тоту пищалочку!

Зажурился малый чоловічокъ, просивъ Ивана, чтобы хоть что отъ него просивъ, только тоту пищалочку ему лишивъ.

— Та чому тота пищалочка тобѣ така дорога?
— зазвѣдавъ Иванъ.

— Ся пищалочка чудесну силу мае, коли на ней заграю, живое, мертвое танцѣвати зачне! — сказавъ малый карликъ.

Иванъ и вѣривъ и нѣтъ. Сказавъ:

— Та дай, най попробую, якъ на ней грати треба!

Передавъ карликъ пищалочку та коли Иванъ на ней загравъ, дерева почали трясти своими листьями, своими стовпиками, еще и своѣ пнѣ такъ погинали, якбы танцѣвали. А малый чоловічокъ, якъ не зачавъ дубкати, скакати, якъ п'яный танцѣвати.

Иванъ гравъ, гравъ, а все около него танцѣвало. Малый чоловікъ вже такъ утомився, что ледвы дыхавъ, та чимъ веселѣйше Иванъ гравъ, тымъ спѣшнѣйше онъ обертався.

Наконецъ почавъ просити Ивана, чтобы вже переставъ грати.

Иванъ поклавъ пицалочку въ свою тайстрину та сказавъ:

— Сякой пицалочки менѣ и треба!

Красно отъ карлика попрощався та пошовъ собѣ въ дальшу дорогу.

Якъ въ томъ лѣсѣ выходить на полянку, видить, середь полянки на великой скалѣ одинъ велетень сгень розклавъ та на рожнѣ цѣлого вола пече, обертае. Але такой великий бывъ той чоловікъ, что его голова, якъ ставъ, та протягнувса, вершки найвысшихъ деревъ досягала.

Подивився той велетень на Ивана та сказавъ ему:

— Николи такого чоловіка, якъ ты, не видѣвъ. Ходи, поможешъ менѣ вола з'ѣсти!

Сѣвъ Иванъ та чекавъ, доки волъ на рожнѣ спечеса.

Тогда розрѣзавъ велетень вола на двѣ половини. Одну подержавъ собѣ, другу давъ Иванови та сказавъ:

— Ђджь, та цѣлу половину мусишь з'ѣсти, бо коли нѣтъ, я и тебе спечу та и тебе з'ѣмъ! Знай, мене называютъ Всеголоднымъ!

Иванъ ничего не сказавъ. Взявъ свой ножъ, вынявъ изъ тайстрины и паленицю та цибулю та почавъ изъ печенины ѣсти. Ђвъ, ѣвъ, доки не наѣвса, ледвы могъ з'ѣсти такой дарабчикъ мяса, якъ его пясть велика. Тогда обтеръ свой ножъ

отъ масти, паленицю, цибулю у тайстрину по-
клавъ та отъ велетня отклонився:

— Дякую за гостину, больше не могу з'ѣсти!

— Ой, не такъ, — закричавъ велетень, Всеголод-
ный, — коли больше не можешь з'ѣсти, то я тебе
на рожно натягну, спечу, та з'ѣмъ!

Иванъ тогда сказавъ:

— Не ѣдь ты мене, я тобѣ скорше на своей
пицалочцѣ пѣсню заграю!

Выбравъ свою пицалочку, почавъ на ней грати.
Та коли не почавъ на то велетень Всеголодный
дубкати, скакати, якъ духа стало, танцѣвати.

Гравъ Иванъ до вечера, гравъ до рана, та веле-
тень ще все дубкавъ, та танцѣвавъ. Около по-
лудня почавъ велетень просити, благати, чтобы
уже переставъ грати.

— Ци хочешь мене еще все на роженъ натягну-
ти, спечи та поѣсти? — зазвѣдавъ Иванъ.

— Нѣ, нѣ, я твоимъ найлѣпшимъ товаришомъ
буду, — сказавъ велетень. — Тобѣ хоть у какой
бѣдѣ поможу!

Иванъ тогда переставъ на пицалочцѣ грати.
Велетень вергъ собою на землю, тамъ сопѣвъ,
дыхавъ, отпочивавъ.

Якъ Иванъ рушився въ дорогу, сказавъ ему:

— Хоть коли, якъ у бѣду попадешся, только за-
кличь: Всеголодный, поможи! Я тобѣ хоть де бы
и бывъ, на помочь заразъ прилечу, та тобѣ помю-

жу, отячуся, зато, что ты грати переставъ та менѣ отпочинути, дыхнути дозволивъ!

Отклонився Иванъ та и дале пошовъ.

Ходивъ онъ, многѣ краѣ заходивъ. Де видѣвъ, что люде дуже журяться, на пицалочцѣ имъ грати почавъ, такъ ихъ розвеселивъ, до танцѣвъ захотивъ. Дали ему зато люде и ѣсти и пити, такъ Иванъ собѣ не только хлѣбъ, але и печенину та бѣлый колачъ на каждый день заробивъ. Домашня палениця, солонина та цибуля лежали въ тайстринѣ.

Разъ, якъ онъ ишовъ знова однимъ густымъ лѣсомъ, злякомився онъ на домашню солонину та на паленицю.

Сѣвъ подъ великий дубъ, наклавъ огонь, вытесавъ рожно и почавъ солонину печи.

Якъ тамъ солонину пече та при огни грѣся, чуе, что изъ дерева ктось кричить та плаче:

— Йой, йой, замерзну, йой, йой, замерзну!

Подивиться Иванъ на дерево та тамъ на верхку старый дѣдо сидить. У густый петекъ замотався, ноги подъ себе затягъ та такъ дрожить, зябе.

Каже ему Иванъ:

— Коли такъ зябешь, злѣзь, сядь коло огня та грѣйся!

Злѣзь дѣдо изъ дуба, сѣвъ напротивъ Ивана та почавъ грѣтися.

Але и при огни онъ зябъ та плакавъ:

-- Пой, йой, замерзну! Пой, йой, замерзну!

Почавъ онъ свои руки сукати та на нихъ дуги. Якъ такъ дувъ, такимъ морозомъ подувъ, что огонь заразъ загасъ, та солонина на рожни замерзла. Изъ дерева листья спадало, а ще и рѣка, яка недалеко текла, ледомъ покрывалася.

Розсердився Иванъ та сказавъ:

— Я тебе грѣтися запросивъ, а ты менѣ огонь заморозишь, та люту зиму на мене засылаешь!

— Та коли такъ дуже зябу, — отповѣвъ старый дѣдо, та коли мене называютъ Всезябучий.

— Та коли ты Всезябучий, я тебе заразъ розогрѣю — сказавъ Иванъ. Выбравъ свою пицалочку та почавъ на ней грати.

Коли не подхопитися на се дѣдо, коли не зачне танцѣвати. Дубкавъ, скакавъ, обертаяся, такъ розогрѣвся, что кинувъ изъ себе петекъ, скинувъ и одежину, остався въ бѣлизнинѣ та ще все прѣвъ ажъ потъ изъ него текъ. Деревя зазеленѣли, рѣка почала течи. Дармо Всезябучий теперь дувъ, такъ розгорячився, что не могъ морозомъ подуги, отъ его дыханя ще теплѣйшимъ стало.

Не йойкавъ онъ теперь, что зябе, але почавъ Ивана просити:

— Чоловѣче божий, перестань уже грати, най собѣ сяду та отпочину, бо заразъ тутъ умру!

Але Иванъ отповѣвъ:

— Чтобы ты потому на мене подувь, та мене заморозивь, изъ сего свѣта стревивь?

Та почавъ на вицалочцѣ еще веселѣйше грати. Заплакавъ Всезябучий:

— Не подую, не заморожу, твоимъ найлѣпшимъ приятелѣмъ буду: только ты грати перестань!

Переставъ Иванъ грати. Старый дѣдо, Всезябучий, сѣвъ, отпочинувъ та Иванови сказавъ:

— Дякую тобѣ, что ты даровавъ менѣ мое житя та не гравъ доти, доки бы бывъ я на другой свѣтъ перетанцѣвавъ. Обѣцаявъ я, что твоимъ найлѣпшимъ приятелѣмъ буду. Знай, свою обѣцанку я додержу. Хоть де ты будешь, коли въ якусь бѣду попадешь, только закричи: Всезябучий, поможи! Я заразъ туды полечу и тобѣ поможу!

Подяковавъ Иванъ. Наклавъ оный огонь, спекъ солонину, наѣвся, напився изъ поточка, солониною ще и Всезябучого посиловавъ. Тогда откланився та пошовъ дале.

Якъ такъ иде въ томъ лѣсѣ, перейде межи два сильными дубами. Одинъ изъ тыхъ дубовъ тогда своѣ корѣня подойме та Иванову ногу подѣ себе притисне.

Подивиться Иванъ лѣпше, что то за дубъ и якѣ то корѣня? Тогда видитъ, что то не дубъ, та не корѣня, але чиясь нога та чиясь пята. Тотѣ на него поднялися, тотѣ его притисли. Подивиться Иванъ и надѣ себе. Высоко, высоко, десь надѣ

вершками деревъ утямивъ и тѣло та и голову човѣка, страшного велетня, что отъ Всеголодного бывъ въ пятьразъ больший.

Думавъ Иванъ — что бы тутъ робити? Почавъ своимъ ножомъ пята велетня скрептати, рубати. Кажетъ тогда ему той велетень:

— Тихо ты тамъ сиди, мою пята не лоскочи, бо я тебе притисну та задавлю!

— Что я тобѣ зробивъ, что ты мене притиснути та задавити хочешъ? — зазвѣдавъ Иванъ.

— Ничого ты менѣ не зробивъ, только подь мою ногу ты залѣзъ. Я называюся Далековидячий, та все, что на свѣтѣ есть, вижу, только передь своѣ ноги не вижу, та и тебе не увидѣвъ! — сказавъ на то велетень.

— Подойми тогда свою ногу, та пусти мене, — просивъ его Иванъ.

— Нѣ, я разъ тебе хочу подияти, на тебе подивитися. — сказавъ велетень.

Напудився Иванъ, что изъ него буде, коли сей велетень его въ своѣ руки возьме та ажъ подь небеса подойме и отги его кине?

Не довго мудрованъ, вытягъ свою нищалочку та сказавъ:

— Заразъ ты на мене подивишся та будешъ на мене памятати!

Почавъ Иванъ на нищалочцѣ грати. Подхопивъ велетень своѣ ноги та зачавъ танцѣвати. Иванъ

изъ подъ его ногъ вылѣзъ, по боку ставъ та гравъ.

— Доки се я буду танцѣвати? -- зазвѣдавъ отъ него разъ велетень, Далековидячий.

— Доки я на пицалочцѣ грати буду, -- отповѣвъ Иванъ та еще веселѣйше грати почавъ.

Велетень такъ собою бивъ, тукъ дубкавъ. что всѣ корчѣ, всѣ дерева у лѣсѣ строцивъ.

— Коли вже перестанешъ грати? — зазвѣдавъ опять отъ Ивана.

— Коли ты свою наскудну душу, коли еѣ маешь, изъ себе вытанцюешь, чтобы ты не могъ никого еще разъ подъ своѣ пяты притиснути, та задивляти! — отповѣвъ Иванъ.

Почавъ тогда велетень Ивана просити, богати, та обѣцявъ ему, что буде его найлѣпшимъ приятелѣмъ, только чтобы грати переставъ.

Тогда Иванъ переставъ грати та свою пицалочку въ тайстрину спрятавъ.

Велетень Далековидячий ему сказавъ:

— Не забудь, что мене называютъ Далековидячимъ. Коли бы ты хоть у яку бѣду попався, только закличь мое имя, я вже то — хоть де бы я бывъ — учую, та тобѣ на допомогу прилечу.

Подяковавъ Иванъ та отъ него отклонився. Коли онъ отъ того карлика сю малу пицалочку запросивъ, ани не думавъ, что тота ему такъ много

разъ допоможе и такъ много приятелѣвъ приобрѣ.

И не журился онъ, та изъ обѣцянокъ Всеголодного, Всезябучого та Далековидячого только смѣявся. Бо — думавъ — въ яку бѣду могъ бы онъ попасться, чтобы его пицалочка ему не помогла?

Такъ вандровавъ онъ дале по свѣтѣ та ниякой бѣды, ни нужды не зазнавъ.

Якъ разъ ишсѣвъ широкимъ полемъ, увидѣвъ тамъ одного дальшого велетня. Уже гадавъ, что то Далековидячий, только тогда утямивъ, что у сего велетня, хоть онъ высскій, превысокий, тѣло тоненькое, а ноги, якбы ниточка.

Сей велетень бѣгъ изъ одного краю поля на другое, тамъ обернувся и назадъ побѣгъ. Ставъ Иванъ, та дивився, что сей чудакъ туй робить. Та той бѣгъ та бѣгъ, ани на минуточку не ставъ.

Закричавъ на него Иванъ:

— Что ты тутъ, чоловѣче, ци якъ тебе называютъ, бѣжишь, собою бѣешь, ани на минуточку не отпочинешь, зо мною до бесѣды не станешь?

— Не маю часу, я называюся Далекобѣжучий, менѣ бѣчи треба — отповѣвъ велетень, та дале побѣгъ.

— Коли не маешь часу, заразъ будешь мати, я тебе заразъ заставляю — сказавъ Иванъ.

Выбравъ свою пицалочку та почавъ на ней гра-ти. Дале вже всѣ знаете. Мусѣвъ и сей велетень,

Далекобѣжучий, стати, затанцѣвати та Иванови пообѣцяти, что коли его покличе собѣ на помочь. — хоть де бы и бывъ — прибѣжить, прилетить.

Мавъ уже нашъ Иванъ приятелѣвъ доста.

— Уже бы десь и въ якусь бѣду залѣзти, чтобы вѣрность своихъ приятелѣвъ выпробовати — думавъ онъ въ собѣ. Та нигде ничего такого ему не пригодилося, всюды онъ добре походивъ, изъ своею пишалочкою всюды изъ усякой бѣды самъ выкрутився.

Якъ такъ дале ишовъ, дале вандровавъ, на березѣ великой рѣки увидѣвъ ще одного велетня. Сей не бывъ уже такъ высокий, якъ Далековидячий, ци Далекобѣжучий, але тымъ товстѣйший бывъ. Доки Иванъ его тѣло обойшовъ, чтобы на него изъ усѣхъ боковъ подивитися, майже и одна доба минула.

Та что той велетень робивъ? Збиравъ камѣня изъ берега рѣки та у хмары ихъ метавъ. Чекавъ Иванъ, чекавъ, коли онъ метати перестане, та коли камѣня на землю упадутъ. Не могъ дочекатися. Велетень все метавъ, та камѣнь, який онъ вергъ, николи на землю не вернувся.

Каже тогды Иванъ тому велетневи:

— Что ты, чоловѣче божий, ци якъ тебе назвати, тутъ робишь?

— Видишь, камѣня мечу, — мое имя Далекѣ-метающий — отповѣвъ велетень.

— Та куды твоѣ камѣня дѣваються. чому они на землю не повертаються? — чудовався та звѣдавъ дале Иванъ.

— Якбы не вернулись? — отповѣвъ велетень, Далекометающий. — Я тутъ только недавно метати почавъ. Почекай рокъ, два, то и першѣ камѣня, якѣ я вергъ, зачнуть падати. изъ неба повертатися.

— Сякого бы еще менѣ приятеля треба — сказавъ въ собѣ Иванъ, та выбравъ пицалочку и почавъ на ней грати, погравати.

Дале вже и самѣ знаете, и самѣ скажете.

Переставъ велетень камѣня метати та почавъ танцѣвати. Доти танцѣвавъ, доки силы стало. Тогда почавъ и онъ Ивана просити, благати, чтобы на пицалочцѣ грати переставъ.

Пообѣцявъ и сей велетень, Далекометающий, что Иванови, коли его кликати та потребовати буде, на допомогу прилетитъ.

Тогда Иванъ поклавъ свою пицалочку въ тайстрину, отъ своего приятеля, Далекометающего, отклонився та пустився дале въ дорогу.

Ходивъ онъ, ходивъ, многѣ краѣ заходивъ, всюды только добра зазнавъ. Уже почавъ и журитися, коли онъ вже своихъ приятелѣвъ увидитъ, до себе прикликати може.

Якъ такъ ходивъ, вандровавъ, на своей пицалочцѣ гравъ, та такъ собѣ свой хлѣбъ зароблявъ,

заблудивъ онъ въ одинъ великий, величезный городъ. У тому городѣ палаты надъ палатами стояли, та каждая палата у черное полотно была завита.

По улицяхъ люде, всяки ходили, та все у черномъ платю. Никто ани слова не заговоривъ, только плакавъ та журился.

Ставъ Иванъ у воротахъ одной палаты, яка была наибольша и найкрасна отъ устьхъ, та повѣдавъ отъ сторожа:

— Что се тутъ за городъ, что се тутъ за палаты, что тутъ все у черное полотно завитое, та все журиятся, плачутъ?

— Отки ты приходишь, что ты такое звѣдаешь, что каждый уже знае ажъ у девятомъ царствѣ? — звѣдався сторожъ. — Се тутъ держава, городъ и палата свѣтлого короля. До недавна у сей державѣ, у семь городѣ та у сей палатѣ каждый смѣявся, каждый неселився та спѣвавъ. А ось, недавно залѣзла у королевский колодязь якась потвора, якийсь шестиголовый шаркунъ, та отъ того часу все норы, все керницѣ та колодязѣ у державѣ позасыхали.

Якъ люде почали сумовати та отъ спраги умирати, сказала та потвора, что якъ ей до колодязя молоду невинну дѣвчину кинуть, то на одинъ день ътопре норы, керницѣ та колодязѣ, чтобы люде могли воды напиться.

Отъ того часу каждый день зажере тотъ потво-
ра одну молодую невинную дѣвчину. Люде мусять ей
дати, бо безъ воды не можуть жити. выдержати.

Та вже всѣ невиннѣ дѣвчата та потвора запро-
ластила, загубила.

Прожерла и двѣ старшѣ доньки нашего короля,
та теперь пришовѣ рядъ уже на наймолодшу
королеву доньку. Завтра вже тоту треба до коло-
дзя кинути, страшной потворѣ передати. Тому
и всѣ такъ журяться, тому всѣ плачуть, тому все
у черное завито, у черное убрано.

— Та не было никого, кто бы бывѣ тоту потво-
ру изъ колодзя вытягъ, та еѣ на куски роз-
сѣкъ? Не было ани одного витязя у вашей дер-
жавѣ? — зазвѣдавъ Иванъ.

— Ой, было, якбы не было! Было у нашей
державѣ доста хорообрыхъ мужовъ, витязѣвъ!
Поприходили витязѣ и изъ чужихъ краевъ, бо
нашъ король давъ выголосити, что тому, кто тоту
потвору изъ колодзя вытягне та забье, передасть
цѣлое свое королевство та одну изъ своихъ до-
ньокъ. Приходили витязѣ, изъ шаркуномъ до
битвы ставали, та шаркунъ ихъ усѣхъ до одного
перемогъ, та задавивъ.

Дармо вже нашъ король обѣцяе свое царство,
дармо обѣцяе и свою доньку, никто не отважить-
ся уже изъ шаркуномъ до бою стати. Заразъ не
буде у нашего короля ни доньки, ни царства, за-

разъ и мы всѣ повмираеме, бо вже, кромѣ королевской доньки, молодой невинной дѣвчины у нашомъ царствѣ не есть!

Якъ се Иванъ учувъ, заразъ и сказавъ:

— Иди до твоего царя-короля та скажи ему, что я изъ тымъ шаркуномъ битися хочу!

Побѣгъ сторожъ до короля. Вѣстку ему понесъ, что найшовся одинъ витязь, котрый изъ шаркуномъ битися хоче.

Подивився король на того витязя, подивилися на него и его дорадники, генералы та только головою покрутили:

— Чимъ ты изъ шаркуномъ битися будешь, коли у тебе ниякой зброѣ не есть, еще ани одной палицѣ не маешь? — зазвѣдавъ отъ него король.

— То вже моя жура! — отповѣвъ Иванъ. — Только хочу чути, что ты менѣ дашь, коли я тоту потвору переможу, та задушю!

— Всѣмъ витязямъ обѣцявъ я дати свою доньку та цѣлое царство мое, — сказавъ король. — Хоть ты и не витязь, коли ты шаркуна переможешь, то и за тебе отдамъ свою доньку та еще дамъ и царство свое. Та чтобы ты легче шаркуна перемогъ, дамъ тобѣ на помощь острую саблю та еще и regimentъ своего войска!

— Не треба менѣ ни саблѣ твоей, ни твоего войска — отповѣвъ Иванъ. — Я только хотѣвъ чути, что менѣ обѣцяешь. А теперъ прошу тебе, чтобы

ты приказавъ своимъ войскамъ та своимъ всѣмъ прислугамъ, селянамъ, чтобы отъ того колодязя, де я изъ шаркуномъ битися буду, геть далеко, талеко пошли, туды ани изъ далека дивитися не посмѣли, бо тогды пропаде моя сила та не буду я мочи изъ шаркуномъ битися, его задавити!

Зробивъ король, начто Иванъ его просивъ, хоть не вѣривъ, чтобы сей простой легинчукъ шаркуна перемогъ та изъ нимъ до битки пустився.

Выйшовъ Иванъ самъ до того колодязя, въ котромъ шаркунъ сидѣвъ, та норы всѣхъ керницъ, та колодязей замокъ.

Закричавъ на шаркуна:

— Ходи ты, потворо, я изъ тобою веселитися хочу!

— Ци Богу помолився, ци отъ своихъ попрашався? — зазвѣдавъ шаркунъ та вылѣзъ изъ колодязя.

Якъ розпростеръ на земли своѣ ноги, пазуры, своѣ головы, зубы, ажъ страшно было на него дивитися.

— Якъ ты зо мною битися будешъ, коли у тебе ни саблѣ, ни зброѣ? — зазвѣдала потвора.

— Я зъ тобою битися не буду, только бавитися. веселитися, тобѣ пѣсеньку заспѣваю, заграю — сказавъ Иванъ, та вынявъ свою пицалочку и почавъ на ней грати.

Зачавъ тогды шаркунъ собою бити, почавъ со-

бою метати. Такъ собою бивъ, метавъ, такъ онъ танцёвавъ, что и земля тряслася.

Повыбѣгали люде изъ великихъ палатъ, повыбѣгали и изъ простенькихъ хатъ, на дворахъ, въ загородахъ. та на поляхъ на землю полягали и тамъ страшно боялися, бо земля подъ ними тряслася, имъ лежати не дала.

Тремѣли люде, страшно боялися, та никто не смѣвъ туды подивитися, де Иванъ изъ шаркуномъ бився. Всѣ боялися, всѣ настрашилися, та чимъ дальше отъ того мѣста утекли.

Разъ у третій день земля успокоилася, перестала трястися, та у всѣхъ норахъ, у всѣхъ керницяхъ та колодязяхъ чистенька вода протекла.

Зрадовалися люде у цѣломъ царствѣ. То вже знали, что ктось тоту страшну потвору перемогъ та изъ королевского колодязя вытягъ.

Знавъ се и король та своихъ вояковъ за Иваномъ пославъ, чтобы его въ его королевску палату, на его дворъ привели.

Пошли они за Иваномъ. Найшли они его коло колодязя. При огни солонину собѣ пекъ, печену солонину изъ цибулею та домашнёю паленицею заѣдавъ. Ни не упрѣвъ, ни не уморився, ни волосокъ ему не хибѣвъ, а страшна потвора-здохлина лежала недалеко него на полю, всю траву закервавила.

— Якъ ты еѣ забивѣ, якъ ты еѣ перебогъ? — чудовалися витязѣ генералы.

— То вже мое дѣло! — сказавѣ Иванѣ, та смѣявся.

Пошовѣ онѣ тогда изѣ вояками генералами въ царску палату. Та королеви теперь, что вже шаркунѣ здохѣ, та воды у цѣломѣ его царствѣ было доста, не дуже хотѣлося передати свое царство сякому простому легинѣви. Задумавѣ перехитрити та изѣ свѣта избавити Ивана.

Иванѣ, якъ передѣ короля его пустили, сказавѣ:

— Зробивѣ я, пресвѣтлый королю, свое дѣло, теперь передай ты менѣ, что обѣцявѣ: свою доньку, та царство свое!

— Передамѣ, передамѣ, якъ бы не передавѣ! — сказавѣ король. — Але не могу то такой теперь зробити. Мусишь разѣ у насѣ якийсь часѣ перебыти, мусишь чогось приучитися, черезѣ якѣсь пробы переходити. Безѣ того не можешь заразѣ на королевский тронѣ сѣсти.

— Добрѣ, — приставѣ на то Иванѣ. — Най чую, чого маю учитися, черезѣ якѣ то пробы маю переходити?

— Для чого такѣ пиловатися. спѣшитися? Ты разѣ у насѣ переспи, добре отпочинь, та завтра про дальшее поговориме! — сказавѣ король та давѣ Ивана завести въ одну комнату.

А та комната была сама изѣ желѣза. Все, по-

стѣль, столь, столцѣ, стѣны были изъ чистого желѣза та окенѣ на комнатѣ не было. Якъ Ивана въ ту комнату завели, дверѣ за нимъ замкли.

Иванъ лягъ собѣ у постѣль та и заспавъ. Разъ, якъ пробудиться, чуе, что его комната дуже розгрѣлася. Подхопиться, видить, что стѣны комнаты розжаренѣ, червенѣ.

Теперь онъ только догадался, что на який его отпочинокъ король пославъ.

— Но се вже бѣда! Тутъ вже ани моя пицалочка не поможе. Се тутъ мене до рана на чисту печенину розжарять, — подумавъ Иванъ.

Та тогда пригадавъ собѣ своихъ приятелѣвъ и закричавъ:

— Всезябучий, поможи!

Въ той минутѣ появився въ комнатѣ его приятель, Всезябучий, та почавъ морозомъ дути та йойкати:

— Йой, зябу, йой, зябу!

Такъ цѣлу комнату заморозивъ, что червенѣ, розжаренѣ желѣзнѣ стѣны ледомъ покрылися.

Приходить король рано на своего гостя подивитися, ци треба ему королевство передати, та Иванъ солодко собѣ въ постели спить, только на скрипѣня желѣзныхъ дверей очи отворивъ.

— Добре рано, — каже онъ королеви. — Въ добру комнату мене ты посадивъ. Въ семь холодку
·Абоди чрѣшѣт охъгол олѣ чвѣцзѣв в эбодѣ чкѣл

дився. Та теперь, коли вже выпався, най чую, чого маю еще научиться, черезъ яку пробу маю еще перейти, чтобы я доставъ твою доньку, та я твое королевство.

— Ничого, ничого! — Нынѣ мы только гости-тися будеме. Пришлю я тобѣ сюды въ сесю твою холодну комнату одного цѣлого вола. на рожни спеченого. До завтра маешь его зѣсти, бо ажъ его не зѣшь, не можу я тобѣ свою доньку та свос королевство отдати, але мушу тебе изъ своего двора отогнати!

— Та лишь присылай, коли хочешъ и двоухъ, бо я дуже зголоднѣвъ — сказавъ Иванъ.

Король приказавъ Ивана дале замкнути въ тоту желѣзну комнату та приказавъ подати ему цѣлого вола на рожни спеченого. Потому приказавъ дальше розгрѣвати, дальше розпѣкати желѣзнѣ стѣны той комнаты, чтобы Иванъ въ ней задусився, отъ жары, спекни умеръ.

Иванъ уже видѣвъ, та догадався. якъ король свою обѣцянку додержати хоче и чого его въ сесю комнату замыкае.

Закричавъ на своихъ двоухъ приятелей:

— Всезябучий, Всеголодный помогѣть!

Появился его приятель въ той минутѣ. Всеголодный до стола сѣвъ, та почавъ заѣдати, Всезябучий морозомъ роздувавъ. Иванъ лягъ на постѣль та спокойно собѣ спавъ.

Приходить другого рана знова король на Ивана подивитися, ци еще все жие, ци еще все его доньку та королевство отобрати хоче.

Иванъ только тогда пробудився, якъ тяжкѣ желѣзнѣ дверѣ заскрипонѣли. На стѣны желѣзной комнаты ледъ примерзъ, на столѣ изъ вола только костки остались.

Каже тогда король:

— Доси ты только спавъ, та гостився, нынѣ вже чось и показати та робити мусишь. Онъ десь, недалеко, только за десятою полониною, за тридесятымъ селомъ есть мала керничка. Ты маешь нынѣ изъ ней менѣ воды принести. Але знай, маешь изъ корчагою скорше повернутися, якъ моя стара служница, яка разомъ изъ тобою воды принести поjde.

— Добре, — сказавъ Иванъ, — я и такъ добре насытився, та вже бы и самъ свѣжей водицѣ напився.

Взявъ корчагу та сказавъ бабѣ, королевской служници:

— Та ходѣмъ, куды очи видять, та якъ ноги несуть!

Только тому дивився, чому королева служница, баба-бабуся кромѣ корчаги и вѣникъ изъ собою взяла. Не довго онъ дивився. Якъ вышли изъ королевского двора, баба-бабуся на свой вѣникъ сѣла, подѣ хмары поднялася та и полетѣла.

— Ага, — сказавъ Иванъ — гадаешь, что я буду изъ тобою на перегоны бѣчи, ци летѣти?

Крикнуть:

— Далекобѣжучий, поможи!

На то и появився Далекобѣжучий, позвѣдавъ, что онъ хоче. Потому взявъ отъ него корчагу. Ступивъ разъ, ступивъ два разъ уже и бывъ при керници, корчагу начеръ, та отпочинути сѣвъ. Мавъ часу, бо за бабу-босорканю еще ани слѣда не было.

Якъ тамъ Далекобѣжучий сидѣвъ, задрѣмавъ та заснувъ.

Сѣвъ Иванъ у воротахъ королевского двора та на своего приятеля Далекобѣжучого чекавъ. Чекавъ, та вже нетерпеливымъ ставъ.

Пригадавъ собѣ, что суть у него еще и два дальшѣ приятелѣ. Буде, что буде. онъ покличе и ихъ, най видить, что они знаютъ. Не довго мудровавъ, вагався, але закликавъ:

— Далековидячий, Далекометающий, поможѣть!

З'явилися оба его приятелѣ. Каже тогды Иванъ Далековидячому:

— Ану подивися, кто тамъ изъ водою скорше повертаеся, ци Далекобѣжучий, ци баба-босорканя?

Далековидячий далеко подивився та сказавъ:

— Баба-босорканя теперь воду начерла, та вже

назадъ летить, а Далекобѣжучий подѣ корчомѣ при керници спить.

Зажурився тогда Иванъ, что може николи королемъ не буде, та королеву доньку за жону не возьме. Бо ось баба-босорканя мала Далекобѣжучого заворожити, что онъ заспавъ.

Каже тогда ему Далекометающий:

— Не журился ты, я его заразь пробужу!

Ухопивъ тогда Далекометающий камѣнець, вергъ нимъ, та просто въ носъ Далекобѣжучого потрафивъ. Пробудився Далекобѣжучий, скоро собѣ пригадавъ для чого онъ сюды пришовъ.

Баба-босорканя вже недалеко королевской палаты летѣла. Але тогда ставъ Далекобѣжучий, хопивъ корчагу, ступивъ разъ, ступивъ два разъ та Иванови корчагу свѣжей воды подавъ.

Занесъ Иванъ корчагу королеви. Наколи король напився и бабуся, королева служница свою корчагу принесла.

— Заспала ты, ци задрѣмала, что сей хлопецъ тебе перебѣгъ? — закричавъ на неѣ король та изъ своей палаты выгнавъ.

Звѣдае тогда Иванъ отъ короля:

— Та коли вже свадьбу подержиме, коли вже за мене свою доньку отдашь, та менѣ свое королевство передашь?

— Дамъ, дамъ, якъ бы не передавъ — говоривъ король — але разъ бы хотѣвъ знати, ци то ты

поправдѣ того шаркуна перемогъ, або ктось ин-
ший то бывъ. Ци могъ бы ты показати, розказати,
якъ ты его перемогъ, або ци могъ бы ты хоть од-
ного свѣдка поставити?

Иванъ на то отповѣвъ:

— Не могу я на то свѣдковъ поставити, бо вы
всѣ повтѣкали, не посмѣли туды ани подивитися.
Але, якъ ты прикажешь, я тобѣ покажу, чимъ и
якъ я тоту потвору перемогъ. Скличь сюды на
свой дворъ всѣхъ своихъ генераловъ, стань межи
нихъ и ты, я тогды вамъ всѣмъ покажу, розясню,
якъ я шаркуна забивъ, перемогъ.

Скликавъ король всѣхъ своихъ генераловъ,
ставъ и онъ межи нихъ. Тогды Иванъ взявъ свою
пищалочку та почавъ на ней грати.

Гравъ, гравъ, та коли почали тамъ всѣ генера-
лы та и король изъ ними танцѣвати, скакати. Вы-
бѣгла изъ палаты королева жона, выбѣгла и его
служниця, чтобы подивитися, что тамъ на дворѣ
генералы дѣють.

Та учули и они якъ Иванъ гравъ, почали и они
танцѣвати.

Выбѣгла кухарка, выбѣгла вся прислуга та всѣ
на дворѣ остались, всѣ танцѣвати почали.

Только королева донька не выбѣгала. Она сто-
яла въ окнѣ своей комнаты. Все видѣла, что на
дворѣ дѣялося, але окна были позапиранѣ та ни-
чого не чула.

Якъ она увидѣла, что тамъ всѣ и еѣ отецъ и стара кухарка, еще и паны генералы затаицѣвали, собою мечуть, подсакають, прѣють. потѣють та перестати не можуть, заразы увидѣла и догадалася, что се все мае быти работа того молодця, котрый еѣ освободивъ и якого теперь еѣ отецъ одурити хоче.

Подивилася на Ивана та солодко усмѣхнулася. Иванъ гравъ, та гравъ.

Почавъ король его грозити:

— Перестань, бо якъ не перестанешь, я дамъ твою шию стяти!

Але Иванъ изъ того смѣявся та лише гравъ, гравъ.

Наконецъ король такъ утомився, что на землю упавъ, але и тамъ своимъ тѣломъ метавъ, далє танцѣвавъ.

Тогды Иванъ переставъ грати та отъ него завѣдавъ:

— Такъ ци знаешь уже; что ты хотѣвъ знати? Та ци отдашь уже за мене свою доньку?

— Отдамъ, отдамъ, теперь уже попрвадѣ отдамъ — обѣцявъ король.

— Але я тобѣ вже больше не вѣрю, — сказавъ ему Иванъ. — Дай скоро прикликати свою доньку, прикличь и попа, чтобы нас ѣзаразы, тутъ передъ усѣми генералами повѣнчавъ!

— Може мы бы до завтра почекали — попро-

бовавъ король отговорёватися. Але Иванъ взявъ въ руки оная свою пицалочку.

Закричала тогда королева на своего чоловіка:

— Ты вже дале не мудруй, але свою доньку та пона покличь, бо сей насъ тутъ усѣхъ замучить!

Не могъ тогда король уже дальше тягнути, дальше мудровати. Давъ прикликати пона, прикликавъ и свою доньку та заразы тамъ, передъ усѣми генералами, свою доньку за Ивана отдавъ, изъ Иваномъ повѣнчавъ.

Зробили тогда у палатѣ велику свадьбу. Что лише ктось зажадати могъ, все тамъ на столѣ было. Гостѣ и ѣли, и пили, добре ся мали, только танцёвати изъ нихъ, кромѣ молодого та молодицѣ никто не хотѣвъ.

Ивана потому полюбила его жона и старый король его полюбивъ, та передавъ ему цѣлое свое королевство.

Отъ того часу Иванъ изъ своею жоною та изъ цѣлою своею родиною жили въ щастю та въ достаткахъ.

Та коли Иванъ когось розвеселити, ци покарати хотѣвъ, взявъ свою пицалочку та почавъ на ней грати, выдувати.

За своихъ приятелёвъ вже и забывъ, бо николи потому у таку бѣду не попався, чтобы ихъ до себе прикликати мусѣвъ.

Ци еще жие, ци не жие, и самъ не знаю. Якъ десь учуете когось на пищацѣ грати, зазвѣдайте отъ него, ци часомъ онъ не чувъ и не знае за того Ивана, котрый каждого танцѣвати учивъ та такъ шаркуна перемогъ и королевство собѣ здобывъ?

ЗА ЖОНУ, ЯКА ИЗЪ СЕЛА ЧОРТА ТА ВСѢХЪ ПЯНИЦЪ ВЫГНАЛА

Де то было, де не было, я то вамъ не могу ска-
зати, та ани не скажу, доста, что десь было. Коли
вы добре послушаете, може и самѣ догадаетесь.

Кажу отже, что было десь одно село. Въ томъ
то селѣ дуже розмножилися корчмы та пяницѣ.
Майже у каждой хатѣ продавали палинку, а пя-
ницѣ не треба было лампашомъ глядати, можѣ
было ихъ и за свѣтлый день по улици стрѣчати.

Середь того села, на пяцу, стоявъ товстый пенѣ
дубового дерева. На томъ то пнѣ, уже ци вѣрите,
ци нѣтъ, сидѣла нечиста сила. Она то людей ни
грѣхъ наводила, пити, пянствовать научила.

Вечеромъ, якъ уже звѣзда на небѣ появилася,
не дай Боже коло того лня перейти безъ того,
чтобы стебло соломы не веречи за собою.

Бо тогда чортъ, котрый на пни сидѣвъ, тоту
душу подъ свою силу ухопивъ, та у свою кнису
на вѣки записавъ.

Але коли чоловѣкъ за собою стебло соломы
вергъ, чортъ дармо бѣсився, надъ такимъ чоло-
вѣкомъ силы не мавъ.

Се знаять каждый въ томъ селѣ, та безъ соломы въ руцѣ вечеромъ черезъ пяць никто не пройшовъ.

Живъ въ томъ селѣ и одинъ дуже благочестивый газда, по имени Иванъ. Мавъ онъ жону та одного сына. Николи онъ до корчмы не ходивъ, все Богу молився, честно робивъ, та Богъ ему и помагавъ.

Розбѣсився на него чортъ, что на пни сидѣвъ, любивъ бы бывъ ухопити его въ своѣ руки, та изъ честной дороги звести.

Та дармо бѣсився, Иванъ ще больше молився, еще порядочнѣйше ходивъ до церкви, еще прилѣжнѣйше робивъ, та изъ корчмаря дверѣ николи не отворивъ.

Трафилося разъ, что Иванъ на полю цѣлый день твердо робивъ, та вже поздно вечеръ вертався возомъ до дому.

Что бывъ дуже утомленный, перемученый, на возѣ и задримавъ, та якъ перейшовъ коло пня, забывъ веречи изъ воза стебелце соломы.

Нечиста сила на пни заразы и зареготалася га за Ивановомъ закричала:

— Ты вже мой! Чекай, я за тобою иду!

На то Иванъ и пробудився. Хопивъ заразы стебелце соломы та вергъ за собою. Та вже было поздно. Нечиста сила за нимъ все кричала:

— Чекай, я иду, я иду!

Иванъ ударивъ батогомъ межи конѣ. Та конѣ не могли такъ бѣчи, чтобы нечиста сила ихъ не догонила. Иванъ все ближе, та ближе чувъ еѣ голось:

— Чекай, чекай, я за тобою иду!

Наконецъ розсердився Иванъ та отповѣвъ:

— Та ходи, найду я средство и на тебе!

Нечиста сила зареготалася. Вылѣзла на возъ та сказала:

— Увижу, ци твоѣ святѣ теперь тобѣ помогутъ!

Иванъ почавъ на возѣ молитися:

— Господи помилуй! Боже, поможи!

Нечиста сила скорчилася на возѣ изъ заду та не смѣла напасти на Ивана.

Якъ збѣгли конѣ на дворъ, тамъ изъ возомъ стали. Каже чортяка Иванови:

— Дармо ты уже молишься! Коли забывъ стебло соломы веречи, мусишь теперь свою душу менѣ записати!

— Заразъ запишу, — отповѣвъ Иванъ, — только дозволи, чтобы конѣ своѣ у хлѣвъ завязавъ та жону свою и сына своего за свѣдка покликавъ!

Дозволила нечиста сила Иванови конѣ у хлѣвъ завязати та свою жону и сына за свѣдка покликати.

Иванъ, якъ конѣ завязавъ, зайшовъ у хату и сказавъ своей жонѣ:

— Нечиста сила до мене изъ пня причепилася, та на дворѣ на мене чекае!

Почала жона сважатися:

— Чому ты передь пнемъ соломѣ за собою не кинувъ?

— Задрѣмавъ я та и забывъ.

Зажурилася жона: — Что теперъ изъ нами буде?

Але Иванъ догадався та сказавъ своей жонѣ, чтобы взяла свячену воду та доки онъ изъ чортомъ буде токмитися, може и битися, абы его почала свяченою водою кропити.

Тогда взявъ Иванъ телячу шкуру, что у него на подѣ сохла та выйшовъ на дворѣ. Нечиста сила еще все на возѣ сидѣла та на него чекала.

— Такъ, что буде, ци запишешъ на мене свою душу, ци маю изъ тобою битися? — зазвѣдала нечиста сила отъ Ивана.

— Что менѣ дашь, якъ я свою душу на тебе запишу? — зазвѣдавъ Иванъ.

— Ты зо мною не токмися, але свою душу на мене запиши, бо заразъ бѣда буде! — грозивъ чортяка та изъ воза зскочивъ.

— Добре, добре, — сказавъ Иванъ. — Видишь, я вже готовый контрактъ изъ собою принесъ, только дай твоѣ копыта, чтобы ними и твое имя на контрактъ подписавъ.

Ухопивъ тогда Иванъ чортовѣ копыта, чтобы

изъ ними контрактъ на телячой шкурѣ подписати.

На се надбѣгла Иванова жона та почала чорта свяченою водою кропити.

Выбѣгъ и его сынъ та всѣ почали чорта скубсти грозити та на него кричати:

— Здайся, здайся!

Якъ изъ свяченой воды една цыточка на чорта упала, вся его сила пропала. Почавъ чортъ тогда трястися та почавъ и просити, благати:

— Здамся, здамся, только мене пустѣтъ та тою водою больше мене не кропѣтъ!

А жона на то почала ще больше кропити, омывати, Иванъ та сынъ почали еще больше его трясти та скубсти. Та кричали: — Здайся, здайся!

— Здамся, здамся, та отъ что вамъ пообѣцяю, та зрблю, только мене вже пустѣтъ, тою водою дальше не кропѣтъ! — сказавъ чортяка.

Иванъ уже его пожаловавъ та охтѣвъ его пустити, але жона сказала:

— Нѣтъ! Такъ легко онъ отъ насъ не освободиться. Мусишь намъ, чертовский сыне, пообѣцати, та контрактъ на то подписати, что не только изъ нашего двора щезнешь, але и изъ нашего села пропадешь, та всѣхъ пяницъ изъ собою заберешь.

Заплакавъ чортяка, почавъ перепрошовати:

— Только тотъ пень та одну улличку изъ вашо-

го села менѣ дозволѣть. Я отти никуды больше не излѣзу, та кромѣ той улички никого у свою власть не завачу!

Почала жона тогда его дальше кропити та сказала своему сынови:

— Вынеси ты и свѣчку свячену та вынеси и ладанъ. Най ему мало засвѣтиме, най мы его мало свяченымъ ладаномъ обкуриме!

Коли се чортяка учувъ, на все приставъ.

Написала она на телячу шкуру контрактъ, чортяка подписався та якъ Иванъ пустивъ его изъ своихъ рукъ, въ той хвилини щезъ, якбы было николи его въ селѣ не было.

За нимъ пропали изъ села всѣ пяницѣ, або перестали пити.

Пень еще и нынѣ стоитъ на пяцу того села, та никто вже его не обхожует, та нечистой силы не боиться, бо всѣ знаютъ, який контрактъ Иванъ изъ чортякою завязавъ.

Коли не вѣруете, найдѣть то село, де такой пень середъ пяца стоитъ, де въ селѣ ани одного пяницѣ не есть, та и самѣ будете видѣти, что то чиста правда, что я вамъ теперъ розказавъ.

ЗА ИВАНА, КОТРЫЙ СЛУЖИТИ ХОДИВЪ

Жили, де не жили, жили собѣ разъ одна бѣдна вдовиця изъ своимъ сыномъ Иваномъ. Кромѣ малой хатчины ничего не мали. Вдовиця ходила до чужихъ заробляти, такъ жили изъ дня на день.

Якъ Иванъ уже выросъ, ставъ сильнымъ легиномъ, каже ему его мати:

— Я собѣ тутъ дома на себе все доста зароблю. Иди ты у свѣтъ, може тамъ больше заробишь. богачомъ станешь, та можешь и ожениться!

Послухавъ Иванъ свою мамку, пошовъ у свѣтъ вандровати, заробляти, та отданицю глядати.

Наявся до одного газды служити. Служивъ тамъ цѣлый рокъ та выслуживъ — ци чули вы такое — одну цѣлу иглу. Але та игла была остра та блискуча. Иванъ дуже радовався, коли еѣ доставъ.

Вернувся онъ изъ своимъ заробкомъ до дому. Иглу несъ въ руцѣ, бо не знавъ, куды еѣ покласти. Якъ такъ иде, уже въ ихъ хутарѣ, догонить его одинъ возъ, накладеный пахучимъ сѣномъ.

Иванъ на возъ попросився, вылѣзъ на сѣно, та

чтобы не треба иглу въ руцѣ нести, забивъ еѣ у сѣно.

Приходитъ Иванъ до дому та мати его звѣдае:

— Де ты, сынку, ходивъ?

— Что ты, сынку, заробивъ?

Каже на то Иванъ:

— Вѣрно я служивъ у одного честного газды, та маленький острый блискучий колъ заробивъ. Якъ приходивъ, на возъ сѣвъ, та блискучий коликъ у сѣно забивъ. Идѣтъ до сусѣда та позвѣдайте и мой коликъ до дому иннесѣтъ!

Пошла баба до сусѣда. Глядають коликъ, та не могли найти.

Каже тогда вдовиця своему сынови:

— Не бывъ то коликъ, мала то быти игла. Коли другой разъ такое заробишь, не забий ты то у сѣно, але за свою шапку поклади!

— Добре, мамко, иншого разу такъ я зроблю — сказавъ Иванъ, та пошовъ опять служити.

Служивъ онъ вѣрно за цѣлый рокъ, та заслуживъ одну курицю.

Рушився до дому та пригадавъ мамчинѣ слова. Забивъ курицю за шапку такъ еѣ несе. Куриця, доки онъ зѣ нею до дому дойшовъ, здохла.

Звѣдае бѣдна вдовиця своего сына:

— Куды ты, сыночку, ходивъ, что ты заробивъ?

Каже Иванъ:

— Служивъ я въ одного газды та заробивъ одну курицю. Якъ вы менѣ казали, за свою шапку еѣ забивъ. Шапку въ сѣнѣохъ лишивъ. Идѣтъ, найдѣтъ, та мой заробокъ изъ неѣ здоймѣтъ!

Подивилася вдовиця на шапку та на здохлу курицю та сказала:

— Не такъ ты мавъ робити! Треба было курицю зарѣзати, спечи, та въ тайстру покласти!

— Добре, другой разъ такъ я зроблю — сказавъ Иванъ та опять пошовъ служити, чтобы вже разъ зробивъ по дяцѣ своей мамки.

Теперь выслуживъ онъ телятко. Зарѣзавъ телятко, спекъ, якъ мамка казала, та въ тайстру забивъ, такъ до дому понесъ.

Якъ его мати телятко увидѣла, руки своѣ склала такъ его научала:

— Не добре ты опять зробивъ, сынку мой. Мавъ ты телятко привязати на мотузокъ та вести за собою и въ хлѣвѣ до ясель привязати.

— Добре, мамко, въ другой разъ такъ я и зроблю — сказавъ Иванъ.

Пошовъ онъ еще разъ служити. Куды онъ теперь ходивъ, куды не ходивъ, не знаю, доста, что доти служивъ, что десь заслуживъ красну дѣвку, отданицю та еще и красное вѣно изъ нею.

Взявъ онъ отданицю поподъ руку та почавъ еѣ вести до дому до своей матери. Та по дорожѣ догадася, что ему его мати приказала.

Каже онъ своей молодежи:

Мушу я тебе на мотузокъ привязати та такъ за собою до дому повести, бо менѣ моя мамка то такъ приказала.

Заганьбилася дѣвчина, почала Ивана просити, чтобы еѣ на мотузокъ не привязовавъ, она и такъ за нимъ поиде. Але Иванъ не слухавъ на неѣ, бо своей мамки боявся.

Взявъ мотузокъ, привязавъ на шию дѣвчины та такъ еѣ за собою вѣвъ.

Куды они перейшли, люде по дорожѣ стали та за ними подивилися. Дѣвчина ганьбилася та плакала. Иванъ тымъ не творився, онъ робивъ такъ, якъ ему его мати приказала.

Якъ до дому дойшовъ, завѣвъ дѣвчину въ хлѣвъ та до ясель привязавъ.

Прийшла вечеромъ до дому его мати та звѣдае:

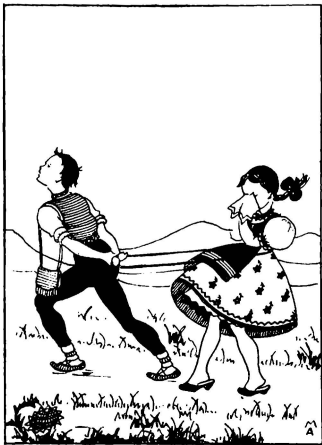
— Ци ты, сынку мой, уже повернувся, куды ты ходивъ, что ты заробивъ?

— Ани не уганули бы вы, — хвалився Иванъ. Красну отданицю я заробивъ, та еще и богатое вѣно изъ нею.

Вдовиця пороздивилася въ хижѣ, та никого не видѣла. Сказала своему сынови:

— Говори дурницѣ, де маешь тоту отданицю?

— Зробивъ я, якъ вы менѣ приказали. Привязавъ на мотузокъ, чтобы не утекла, на мотузку

за собою привѣвъ, въ хлѣвъ до ясель привязавъ. Тамъ она стоитъ, идѣтъ, подивѣться!

И засмѣялася и заплакала бѣдна вдовиця. Выбѣгла въ хлѣвъ та поправдѣ, до ясель привязано тамъ красна дѣвчина стоитъ.

Отвязала вдовиця дѣвчину, поподъ руки взяла, до хаты завела та сказала своему сынови:

— Дурно ты робивъ, то треба было еѣ поцѣловати, сякъ поподъ руки взяти, та красно до дому привести!

— То вже най буде, добре что она туй есть, — сказавъ Иванъ.

Зробили свадьбу, та жили собѣ весело.

Иванъ больше на заробки не ишовъ, та ничъ такого не зробивъ, чтобы я вамъ про то могъ приказовати.

У свадьбѣ отданиця мала и вѣнецъ, тому и сей казцѣ конецъ.

ЗА ДѢДА, КОТРЫЙ НА СВАДЬБУ ИШОВЪ

Десь въ одномъ селѣ, не скажу, что де то было, де не было, доста, что десь въ одномъ селѣ жили собѣ дѣдо та баба. На старѣ своѣ роки они вже самѣ въ хатчинѣ остались, бо всѣхъ дѣточокъ своихъ выгодовали, поженили, поотдавали.

Ходили они то до одной дѣтины, то до другой, изъ внучками забавлялися, николи не сумовали.

Покликали разѣ дѣда та бабу на свадьбу.

Баба скоро ухонила, что вже на свадьбу въ подарунокъ понести приходится та и побѣгла. Дѣдови вже изъ порога закричала:

— Запри дверѣ та иди и ты!

А дѣдо — сирота — уже бывъ старый и не дочувавъ. Такъ ему причулося, что баба сказала:

— Бери дверѣ та принеси!

Почавъ дѣдо мудровати, начто то треба до свадьбы дверѣ понести, та ниякъ не могъ догадаться. Але онъ уже довгий вѣкъ изъ своею жоню переживъ, та научився, что, якъ не хоче сьарки розводити, запечати, то жону треба послухати.

— Коли имъ дверь потребитъ, я имъ и понесу — сказавъ.

Знявъ дверь та взявъ на плечъ и несе на свадьбу.

Баба вже десь далеко ходила, взадъ ани не подивилася. Дѣдо разъ на неѣ закликавъ:

— Чекай, чекай, бо я не могу такъ скоро бѣчи!

Она не обернулася, взадъ и теперь не подивилася, только рукою махнула та закричала:

— Запри дверь та иди.

— Взявъ та несу — сказавъ дѣдо та ишовъ помалы за бабою.

А то — знайте — свадьба ажъ у другомъ селѣ была, та треба было переходити черезъ хашу.

Баба скоро черезъ хашу перебѣгла, але дѣдо изъ тяжкими дверьми бѣчи не могъ та ночь его въ хашу и застала.

Боявся дѣдо въ ночи черезъ хашу переходити, бо лѣсъ густый та въ немъ жили, ходили и вовки, и медведѣ, такъ люде въ селѣ все говорили.

Почавъ дѣдо думати, что бы тутъ робити? Ити ни сюды, ни туды, треба въ хашу переночовати, до зорѣ почекати. Не могъ онъ нигде ни яму, ни печеру найти, куды бы изъ своими дверьми зятягся. Подумавъ чтось та выцабавъ на товстого дуба та и дверь за собою потягъ.

Тамъ на дубѣ собѣ сѣвъ и задрѣмавъ.

Разъ пробудиться та подъ его дубомъ ктось огонь наклавъ.

Дивиться дѣдо, при огни дась дванадцатеро сидять, солонину печуть та ѣдятъ. Злакомився дѣдо дуже на солонину та боявся отозватися, гадавъ, что то и чорты, ци иншѣ нечистѣ силы можуть быти.

Стягся онъ на дубѣ та тихо въ собѣ молився.

Разъ видить, что тотѣ тамъ долу, уже и наѣлся и напилися та взяли одинъ великий мѣхъ. Почали изъ того мѣха золотѣ и срѣбериѣ грошѣ выбирать та у дванадцять купокъ около огня розкладовати.

Догадався дѣдо, что сѣ потворы тутъ якѣсь грошѣ дѣлять.

На грошѣ еще больше лакомився дѣдо. Дивився, дуже онъ на тотѣ купки дивився. Якъ такъ на дубѣ сюды туды прихилився, дверѣ сховзалися та упали просто на землю, на шию тыхъ людей, что тамъ долу грошми дѣлилися.

Настрашилися злодѣѣ, бо знайте, не были то ни чорты, ни нечистѣ силы, але были то опришки, злодѣѣ.

Якъ тотѣ дверѣ на злодѣевъ упали, они гадали, что нечиста сила на нихъ упала.

Дѣдо отъ страху на деревѣ еще и закричавъ:
— Дверѣ, дверѣ!

Злодѣямъ причулося, что ктось кричить:

— Берѣть, берѣть!

Лишили тамъ грошѣ, лишили мѣхъ, все тамъ полишали та повтѣкали на всѣ боки.

Дѣдо почекавъ, доки когуты запѣли, потому почекавъ и то, доки зоряти почало. Тогда злѣзь изъ дерева.

Дивиться: и дверѣ цѣлѣ остались и дванадцять купокъ золота та срѣбла на земли лежить.

Зобравъ дѣдо золото та срѣбло въ мѣшокъ, что злодѣѣ тамъ лишили, взявъ на плечѣ мѣшокъ, взявъ и дверѣ та вернувся до дому.

Приходить рано баба дому та кричить на дѣда:

— Чого ты дверѣ не заперѣ та на свадьбу не прийшовѣ?

Дѣдо тогда бабѣ все розказавъ та и мѣшокъ грошей золотыхъ и срѣберныхъ показавъ.

Не сердилася, не гнѣвалася теперъ баба на дѣда. Дуже его хвалила та розумнымъ честовала. Бо отъ того часу дѣдо и баба еще веселѣйше жили. Своимъ сынамъ, донькамъ та внукамъ помагали.

Никто не могъ догадатися. отки то они все грошей мають, бо и дѣдо и баба за ихъ свадьбованя мовчали, никому ни слова не сказали.

Коли не умерли, сще и нынѣ живутъ, та помагають своимъ дѣтямъ, внукамъ.

ЗА ДВОХЪ ЖЕБРАКОВЪ

Жили десь два жебраки. Были они изъ одного села, обое въ сусѣдахъ по малой хатчинѣ мали, та жебраючи своимъ дѣточкамъ та своимъ жонамъ хлѣбъ зарабатывали.

Ходили на торги, на отпусти, изъ села въ село, молилися, просили, благали та только все зажебрали, что своимъ дѣточкамъ хлѣбъ та крумплѣ на одинъ тыждень дому понесли.

Каже разъ Петро, бо одного изъ нихъ называли Петромъ, а другого Павломъ, та каже разъ Петро Павлови:

— Слухай, Павле, тяжкий се нашъ заработокъ. Цѣлый тыждень ходиме, спѣваеме, молимся та ледвы принесеме до дому тайстрину скибокъ хлѣба та крумплѣвъ. Чтось бы намъ гадати, чтобы мы легше и больше заработали, на своѣ старѣ лѣта богатство zdobyли.

Каже на то Павло:

— На семъ уже и я много роздумовавъ. Много дивився я на то, якъ на торгахъ люде купують, продають, якъ однѣ другихъ дурять. Ци не мо-

гли бы мы стати торговцами, може больше бы мы заработили, лѣпшѣ днѣ зажили.

Почали они радитися, якъ бы они могли стати торговцами, чимъ и якъ бы могли торговати?

Доти мудровали, что выдумали ось якое.

Петро набравъ повный мѣшокъ лыча, Павло набравъ мѣхъ трѣсокъ та пошли на торгъ, продавати, людей дурити. Петро говоривъ, что то ремѣня, Павло казавъ, что то гребѣнѣ. Такъ они знали говорити, такъ они знали свое лыча та своѣ трѣски хвалити, что на каждомъ торзѣ продали не лише одинъ, але и два, три мѣхи лыча та трѣсокъ и зобрали много грошей.

Забывъ я сказати, что они торговали на споль. Спольно лыча та трѣски збирали, у споль и грошѣ складовали.

Та заработили они только грошей, что не могли ихъ подѣлити, поличити.

Каже тогды Петро Павлови:

— Знаешь что? Най будутъ грошѣ одинъ день у тебе, одинъ день у мене.

Павло на то отповѣвъ:

— Что мы ихъ будеме каждый день мѣняти, изъ шиѣ на шию въ тайстринѣ перекладати! Най будутъ одинъ тыждень у мене, а одинъ тыждень у тебе.

— Най буде и такъ — приставъ на то Петро.

Дале они такъ по торгахъ ходили та грошѣ дурили, зарабатяли.

Такъ коли грошей была вже повна тайстрина, перестали они по торгахъ ходити та до дому пошли. Петро разъ задумавъ здурити и своего сусѣда Павла. Того тыждня у него были грошѣ. Онѣ ихъ въ тайстринѣ носивъ, тайстрину изъ шиѣ не знявъ, еще и въ ночи изъ грошми спавъ.

Приходить въ субботу Павло за грошми та его сусѣдъ у деревищи лежить. Жона и дѣти его около деревища плачуть, йойкають:

— Боже, Боже, что изъ нами буде, кто на насъ зарабатяти буде!

Казала сусѣдка Павловъ:

— Вы, сусѣде, майже за грошми пришли, та видите, сирота Петро умеръ, менѣ грошѣ не передавъ, та я теперь не знаю, де они суть!

Павло ничого не сказавъ. Сѣвъ около деревища та собѣ сидѣвъ.

Потомъ взявъ стебелце соломы та почавъ Петра въ ноги скомтати.

— Что вы, сусѣде дорогой, робите — заплакала Петрова жона.

— Ничого, ничого, мы прообѣцяли одинъ другому, что якъ котрыйсь изъ насъ скорше умре, то сякъ его оплаковати будеме — отповѣвъ Павло та дале скомтавъ Петра.

Доти скомтавъ, что Петро не могъ выдержати, засмѣявся та изъ деревища вставъ:

— Перехитривъ ты мене. — сказавъ и передавъ грошѣ Павлови.

Жили они потому довгѣ роки. Коли ктось чтось потребовавъ, грейцарикъ изъ тайстрины выняли та купили, что было потребно. А тайстрина изъ грошми по тыжднямъ вандровала то до одного, то до другого сусѣда.

Разъ въ субботу приходитъ Петро до Павла за грошми та найде у хижи саму сусѣдку заплакану та и дѣтей ревучихъ.

Зазвѣдавъ Петро:

— Куды се мой сусѣдъ дѣвся та чого вы тутъ всѣ такъ горько плачете?

— Якбы мы не плакали — отповѣла сусѣдка, Павлова жона — коли се мой чоловѣкъ отъ учора вже въ гробѣ лежитъ та насъ самыхъ у нуждѣ залишивъ. Еще и только не сказавъ, куды грошѣ дѣввъ, чтобы мы могли ихъ вамъ передати, та изъ нихъ дале жити.

— Бѣда, бѣда — сказавъ Петро та почавъ догадоватися, чому то Павло такъ нагле умеръ, чому то его такъ запрятали, у гробѣ поклали, что никому ани знати не дали.

— Пойду я на его гробѣ, хоть помолюся за его грѣшну душу — сказавъ та выйшовъ на цвинтарь.

Найшовъ тамъ свѣжий гробъ, что деревище ледвы было глиною закрытою.

Взявъ Петро читавый колъ, почавъ у деревище бити та надъ нимъ дубонѣти, якъ бугай ревати.

Бивъ, дубонѣвъ, ревавъ, еще ногою и землю отгрѣбавъ, якъ здурѣлый бугай звыкъ робити.

Павло, який у гробъ живой лежавъ, отъ своего сусѣда сюды спрятався, учувъ то дубканя, пребенья, думавъ, что то справдѣ бугай у цвинтаръ зайшовъ та его гробъ розкоповати почавъ.

Закричавъ изъ деревища:

— Не, бугай, не!

Петро на то ще больше почавъ дуркати, дубкати, та глину изъ деревища отгрѣбати.

Коли не закричить тогда Павло, якъ силы стало:

— Люде, ратуйте, бугай мене бодет!

Петро на то розсмѣявся та сказавъ:

— Не бойся, не бойся, то я тотъ бугай!

Что мавъ Павло робити? Вылѣзь изъ деревища, вылѣзь изъ гроба, та и самъ засмѣявся.

Пошли тогда обое до дому, та чтобы больше одинъ другого не дурили, позычили мѣрку та розмѣряли. розважили грошѣ такъ межи собою ихъ роздѣлили.

Отъ того часу они живутъ мирно, не сважаются, одинъ другого перехитрити, здурити не хотятъ.

Коли не вѣрите, пойдѣтъ та на нихъ подивѣться.

ЗА ДВОХЪ БРАТОВЪ, БѢДНОГО ТА БОГАТОГО

Де то было, де не было, коли то было, коли не было, я не знаю, та коли бы и знавъ, я бы то вамъ не сказавъ.

Жили разъ десь въ одномъ селѣ два брата, Иванъ та Петро.

Якъ то они газдовали, жили, не знаю сказати, доста того, что Иванъ бывъ бѣдный, дуже бѣдный, а Петро богачъ.

У Ивановой хатчинѣ, кромѣ купы дѣтей ничего не было, у Петровой повный кошъ, повный подъ, у ладѣ грошми набито.

Не могъ Иванъ своихъ дѣточокъ нагодовати та все до брата ходивъ, ци заробити, ци позычити, ци просити.

Ганьбився Петро своимъ братомъ, жебракомъ, думавъ, мудровавъ, якъ бы его изъ села отогнати, чтобы до него такъ часто не ходивъ, передъ иншими богачами ему ганьбы не наносивъ.

Сказавъ разъ своему братови, Иванови:

— Брате мой, ты такъ часто до мене ходишь, всё чуешь и видишь. Боюся, что ты разъ при-

дешь у ночи, настъ тутъ замордуешь та грошѣ
отъ мене украдешь, бо видѣвъ, та знаешь. де они
у мене стоять!

— Якъ бы я тебе мордовавъ, якъ бы я отъ тебе
кравъ, коли ты мене и моихъ дѣточокъ годуешь
— отповѣвъ Иванъ. — Ось и теперь до тебе при-
шовъ, бо дѣти моѣ вже третій день хлѣбця не
видѣли, та отъ голоду умирають. Коли Бога зна-
ешь, позычь менѣ скибу хлѣба!

Подумавъ чось Петро та сказавъ:

— Я тобѣ больше зычати та даровати не буду.
Якъ ты заробити не можешь, пойдѣ у свѣтъ та
выжебрай собѣ. Хоть не будешь менѣ каждый
день докучати, та ганьбу на мене приносить.

— Якъ я могу у жебры пуститися. коли я —
хвала Богу — здоровый. Никто мене не пожалуе,
никто менѣ у простибогъ не дастъ. Коли Бога
знаешь, только теперь разъ менѣ поможи, чтобы
могъ я своихъ дѣточокъ нагодовати — просивъ
его Иванъ.

— Знаешь что? — сказавъ тогда злодушный
братъ. — Теперь разъ тобѣ еще дамъ, та цѣлый
тыждень буду твоихъ дѣточокъ годовати, коли
пристанешь на то, чтобы я твоѣ обѣ очи выко-
павъ!

Заплакавъ бѣдный Иванъ:

— Боже, что я буду, слѣпый, безъ очей робити?

— Добре будешь жити — отповѣвъ богачъ. —

Пойдешь у жебры. каждый тебе пошкодуе, у про-
стибогъ тобѣ дастъ, и хлѣба, и грошей до дому
своимъ дѣточкамъ принесешь.

Доти говоривъ богачъ, доти своего брата наго-
ворёвавъ, что той приставъ на то, чтобы его
братъ ему очи выкопавъ.

Якъ ослѣпъ, не могъ ани до дому вернуться.
Сказавъ своему братови:

— Та брате, коли ты мене у сяку бѣду завѣвъ,
теперь хоть только зроби, поведи мене на край
села подъ крестъ, та тамъ посади, чтобы могъ я
до добрыхъ людей, якѣ туды переходять говори-
ти, отъ нихъ дары просити!

Повѣвъ Петро своего брата та не подъ крестъ,
але подъ шибеницю, такой онъ бывъ злодушный.
Гадавъ, что его брата тамъ никто не найде, та
братъ тамъ изъ голоду пропаде, загине.

Сидить Иванъ подъ шибеницею, сидить, чекае,
коли ктось по дорозѣ перейде, чтобы отъ него
даровъ просивъ. Та никто туды не переходивъ.

Минула и днина, завечерѣлося, прийшла и
ночь. Иванъ еще все подъ шибеницею сидѣвъ та
чекавъ.

Разъ чуетъ, что ктось надъ нимъ заговорить:

— Сыны моѣ, чортовскѣ сыны, най чую, что вы
нынѣ зробили, колько душъ запропастили?

Чудовався Иванъ, кто тутъ подъ крестомъ за
чортовскѣ сыны говорити отважиться. Та не

знавъ онъ, что то не крестъ, але шибениця. Та из шибеници у повночи старый чортиско сѣвъ и своихъ сыновъ вызвѣдовавъ, испытовавъ.

Каже тогда найстарый чортовский сынъ:

— Я королеву доньку у загибель трутивъ. Была она нынѣ сповѣдаться, причащаться. Якъ она причащалася, я на неѣ дунувъ. Она причастя выкашлала. Та отъ того часу и занѣмѣла.

Старый чортяка сказавъ:

— Добре ты зробишь. Та коли бы кто съ знавъ, та стару ролуху изъ подъ камня, який лежитъ при керниці въ королевской загородѣ, выкопавъ, тз изъ еѣ печунокъ королевѣ покушати давъ, она бы заговорила, великий грѣхъ бы изъ своей души склала.

— А что ты зробишь? — зазвѣдавъ отъ своего середущого сына:

— Я у старосты ходивъ та его паленку варити та пити научивъ. Отъ того часу вже онъ десять разъ залаявъ, шѣсть разъ чужое укравъ, его душу намъ чортамъ приобѣцявъ — казавъ середущий сынъ.

— Добре ты зробишь — похваливъ чортяка и сего своего сына. — Та коли бы старостиха знала, овому чоловікови изъ того зѣля, что тутъ подъ шибеницею росте чай наварила та выпити дала, николи бы онъ больше паленки не пивъ, николи

бы не лаявъ, николи бы не кравъ, та свою душу бы отъ насъ спасъ.

Зазвѣдавъ тогда третёго своего сына:

— Та най чую, что ты зробивъ?

— Я многѣ душѣ запропастивъ. Наговоривъ я богача Петра, чтобы своему брату очи выколовъ. Такъ доставъ я Петрову душу. Але буде наша и Иванова душа, та и душѣ его дѣточокъ .Бо Иванъ изъ злости на своего брата разъ кинеся, его задусить та такъ и свою и своихъ дѣточокъ душу запропаститъ.

— Наплѣлшое дѣло ты зробивъ — хваливъ чортяка своего наименшого сына. — Бо Петрову душу вже отъ пекла никто не може освободити, ратовати. Сирота Иванъ, еще бы изъ бѣды могъ вылѣзти, коли бы знавъ, что сей noci на зоряхъ намѣсто росы манна изъ неба буде падати. Коли бы онъ своѣ очи изъ тою манною обмывъ, прозрѣли бы его очи.

Онъ бы своему брату его великий грѣхъ отпустивъ та на честной божой дорозѣ бы остався.

Наколи старый чортиско се договоривъ, запѣли когуты. Около Ивана все затихло.

Думавъ Иванъ, думавъ, та не знавъ, ци се все ему приснилось, ци се все онъ на своѣ уха поправдѣ чувъ.

Сидѣвъ тамъ, доки почало зоряти, та почала на травы, ростины роса спускатися.

Тогда Иванъ сказавъ:

— Буде, что буде, попробую я своѣ очи росую обмыти. Тогда и дознаюся, ци то все сеѣ noci менѣ приснилось. ци то я поправдѣ чувъ!

Ставъ, руками травицѣ выглядавъ, руки въ росу замочивъ та почавъ своѣ очи терти, обмывати.

Та чуйте такое, прозрѣли его очи. Подивився онъ около себе, тогда онъ дознався, что то онъ не подѣ крестомъ, але подѣ шибеницею сидѣвъ. Заразъ и порозумѣвъ, якъ то могли тутъ сей noci чорты сходитися та бесѣдовати.

Пригадавъ собѣ, что одинъ изъ чортовъ про старосту та старостику сказавъ. Нарвавъ повну тайстрину изъ того зѣля, яке подѣ шибеницею росло та скоро рано просто до старостики побѣгъ.

У старостовыхъ хатѣ найшовъ велику сварку, велику лайку. Староста тогда рано изъ корчмы до дому прийшовъ, Богъ знае чиѣ грошѣ пропивъ. Дома жону та дѣтей набивъ. Только потому собѣ лягъ. Плакали дѣти, плакала и старостиха.

Иванъ у воротахъ почекавъ, доки сварка перейде, битка миnese, тогда до старостики пошовъ.

— Что бы вы менѣ, панѣ старостихо, дали, коли бы я вашего чоловѣка отъ пьянствования отучивъ?
— зазвѣдавъ.

Заплакала, зарыдала старостиха:

— Проси отъ мене, что лише хочешъ, хотъ что

тобѣ готова дати, только ты мого чоловѣка отъ сей бѣды освободи — обѣцала.

Иванъ подумавъ на своихъ голодныхъ дѣточекъ та сказавъ:

— Якъ вашъ чоловѣкъ пити перестане, та доки онъ пянствовати не буде, перешлете вы каждого тыждня моимъ дѣточкамъ вѣко мелаю, та каждый день вѣдро молока — сказавъ Иванъ.

Пристала на се старостиха. Тогда Иванъ ей изъ того зѣля передавъ, та еѣ поучивъ, что она мае робити.

Переставъ староста еще того дня пити. На паленку ани подивитися не могъ. Зрадовалася старостиха, та почала посылати Ивановымъ дѣтямъ не по одному вѣку та не по одному вѣдрѣ, але по двоухъ, трѣхъ, колько лише тотѣ дѣти зѣсти, выпити могли.

А Иванъ ни до дому не пошовъ, еще того самого дня кудысь повандровавъ, никому ничего не сказавъ.

Чудовався Петро, что за Ивана ничего не чует, та ще больше чудовався, что у Ивановыхъ дѣтей и хлѣба и молока много. Не могъ догадаться, отки то и якъ то есть. Думавъ, что Иванъ много зажебравъ и до дому засылае.

Почала и его совѣсть успокоѣватися, думавъ, что сякъ, майже, Иванови еще великое добро зробивъ, коли его очи выколовъ.

Та Иванъ не ходивъ жебраючи. Пошовъ онъ просто у королевский дворъ. Еще до двора ани не дойшовъ, уже дочувся, уже дознався, что який смутокъ у королевской родинѣ наставъ. Молода королева причастя выкашляла, а отъ того часу и занѣмѣла.

Кликавъ король до своей доньки славныхъ лѣкарёвъ, кликавъ и бабъ, котрѣ баяти знаютъ, та никто не могъ его доньку вылѣчити.

Голосився Иванъ у короля та зазвѣдавъ:

— Что ты менѣ, пресвѣтлый королю, подаруешь, коли я твою доньку вылѣчу?

— Подарую тобѣ, что запросишь, коли хочешь за тебе и свою доньку отдамъ, — сказавъ король. Только ты еѣ вылѣчи!

— Не треба менѣ твоей доньки, — отповѣвъ Иванъ — бо у мене жона есть, та и дѣточки суть. Але коли подаруешь ты менѣ три возы золота, то я твою доньку вылѣчу!

— Подарую я тобѣ не три возы, подарую я и тридцять возовъ, только ты еѣ вылѣчи — сказавъ король.

Иванъ пошовъ у королеву загороду. Найшовъ тамъ керницю та найшовъ и великий камѣнь коло ней. Поднявъ камѣнь та вытягъ ропуху. Зарѣзавъ жабу, вытягъ еѣ печунки та давъ на королевской кухни спечи.

Якъ королева донька изъ печунокъ у свой ротъ взяла, зарзъ и проговорила:

— Якое доброе мясо, николи такого доброго еще я не ѣла!

Зрадовалися всѣ у королевскомъ дворѣ та наибольше радовався старый король. Приказавъ зымѣряти не тридцать, але шѣстьдесятъ возовъ золота та повезти у Иванову хату. Еще и возы и конѣ приказавъ тамъ Иванови лишити.

Забогатѣвъ Иванъ, стару хату розобравъ та поставивъ собѣ таку палату, что не было ей пары у далекой околицы.

Завидѣвъ Петро своему братови то богатство, та ниякъ не могъ додуматися, догадатися изъ кимъ то Иванъ, ци зъ чортами, ци зъ добрыми душами сповися, что и прозрѣвъ та и такое великое богатство до дому принесъ.

Доти ходивъ за Ивановомъ, доти ему говоривъ, что наконецъ Иванъ все своему братови розказавъ и про росу та про своѣ очи, и про старосту, та про королеву доньку.

Петро и вѣривъ и нѣтъ, але пошовъ до старости, пошовъ и въ королевский дворъ, отъ служницъ, прислуги вызвѣдовавъ та дознався, что то Иванъ ему чисту правду про старосту и про королеву доньку сказавъ.

Вернувся тогды до дому, назаль до Ивана пошовъ, та ему сказавъ:

— Уже знаю, уже я дознался, что ты менѣ чисту правду говоривъ. Та видишь, все то богатство менѣ можешь дяковати. Бо якбы бывъ я твоѣ очи не выколовъ, тебе подъ шибеницю не повѣвъ, николи бы бывъ ты чортовску бесѣду не выслушавъ, та такое богатство не заробивъ.

Та теперь, коли у тебе лише крыхта братской любви есть, маешь менѣ отдячитися та хоть одинъ возъ золота менѣ передати.

Иванъ бывъ такого доброго сердца, что вже и хотѣвъ на се пристати. Але якъ то учула его жона, закричала:

— Что? Онъ твоѣ очи выколовъ, тебе слѣпымъ жебракомъ поклавъ, а ты еще ему зато возъ золота передати хочешь? Най собѣ иде, та най и онъ собѣ заробить. Най собѣ очи выколе, та най подъ шибеницю сяде, може и ему чорты до богатства поможуть.

Что мавъ Иванъ робити? Мусѣвъ свою жону послухати. Не давъ своему братови ничего изъ золота.

Петро заганьблено та изъ злостью въ сердцю вернувся до дому. Та доти его велика зависть грызла, доти мудровавъ надъ словами Ивановой жоны, что рѣшивъ справдѣ попробовати свое щастя.

Пошовъ одной почи подъ шибеницю, тамъ собѣ сѣвъ. Взявъ острый ножъ, выколовъ собѣ очи

та чекавъ, чтобы повночь прийшла, чтобы чорты проговорили.

Та чорты отъ того часу, что Иванъ ихъ бесѣду выслухавъ, та ихъ планы такъ помѣшавъ, иншу дорогу собѣ взяли та на шибеницю не сѣдали.

Петро може еще и теперь тамъ ихъ чекае, та чекае на свое щастя и на богатство, коли изъ ганьбы, зависти и голоду тамъ не умеръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
За бѣднаго чоловѣка, та за тайстрину, яка свое дѣло робила — — — — —	3
За Ивана, котрый на пищалочцѣ гравъ — —	15
За жону, яка изъ села чорта та всѣхъ пяницъ выгнала — — — — —	48
За Ивана, котрый служити ходивъ — — —	54
За дѣда, котрый на свадьбу ишовъ — —	61
За двоухъ жебраковъ — — — — —	66
За двоухъ братовъ, бѣднаго та богатого —	72

ПОДКАРП. ОБЩЕСТВА НАУКЪ:

Въ сериі Народной Библиотеки:

5. И. Кондратовичъ: Графъ Стефанъ Сейчений. Ст. 48 въ 10 иллюстраціями. Цѣна 50 фил.
6. Д-ръ Андрій Гарайда: Что мае знати каждый господарь о здоровельномъ дѣлѣ домашнихъ звѣрять? Ст. 44. Цѣна 50 фил.
7. Петро Соломоновичъ: Малѣ люде (оповѣданя). Ст. 63. Цѣна 50 фил.
8. Антоній Луковичъ: Витязь Николай Горти въ Надьбанѣ. Ст. 92 въ 45 иллюстраціями. Цѣна 60 ф.
9. Юра Станчукъ: Подарунокъ (оповѣданя). Ст. 92. Цѣна 1— П.
10. Ф. Пасѣчникъ: Оповѣданя. Ст. 64. Цѣна 60 фил.
11. М. Шиллеръ — В. Грабарь: Коваль Вакула (комедія въ 4-ѣхъ дѣяхъ). Ст. 86. Цѣна 90 фил.
12. М. Йокай: Двѣ отданицѣ (оповѣданя). Ст. 84. Цѣна 1— П.
13. Подкарпатскѣ народнѣ кавки. Часть II. Ст. 86 въ 18 иллюстраціями. Цѣна 90 фил.
14. А. Маркушъ: Юлина (повѣсть). Ст. 79. Цѣна 1— П.
15. К. Миксать: Романъ двоухъ майорень, та иншѣ оповѣданя. Ст. 87. Цѣна 90 фил.
16. Й. Архій, Ю. Барвѣнокъ, К. Вершанъ: Передъ сходомъ (поезіѣ). Ст. 48. Цѣна 70 фил.
17. Л. Демянъ: Изъ села (оповѣданя) Ст. 64. Цѣна 70 ф.
18. Францъ Герцегъ: Житя, смерть, любовь та иншѣ оповѣданя. Ст. 101. Цѣна 1·20 П.
19. А. Сликакъ: Подъ соломяною стрѣхою (оповѣданя). Ст. 64. Цѣна 70 фил.
20. Подкарпатскѣ народнѣ кавки. Часть III. Ст. 86. Цѣна 1— П.
21. Д. Поповичъ: Изъ житя (оповѣданя). Ст. 69. Цѣна 80 ф.
22. Маркушъ: Коровку гнали... (оповѣданя). Ст. 80. Цѣна 90 ф.

Въ серіи часописовъ :

1. „Литературна Недѣля“ Подк. Общ. Наукъ. Литературно-наукowy двотыждневикъ. Рочникъ I, ст. 140. Цѣна въ переплетѣ 4 П. Рочникъ II, ст. 264. Цѣна въ переплетѣ 12 П. Передплата на рокъ 4— П. Одно число 15 фил.
2. „Руська Молодежь“, часопись для подк. молодежи. Выходитъ каждого мѣсяця. Передплата на 1 рокъ 2— П. Одно число 20 фил.
3. „Зоря“ науковый журналъ. Выходитъ каждого третёго мѣсяця. Передплата на 1 рокъ 6— П. Одно число 1·50 П.

Въ серіи Дѣточой Библиотеки :

1. М. Шиллеръ : Въ ночь св. Николая. Пьеска въ 2-хъ образкахъ изъ спѣвомъ и танцями. Ст. 50. Цѣна 50 фил.
2. Дѣдъ Марко : Пригоды Вовчка Товчка. Ст. 72 въ иллюстраціями. Цѣна 60 фил.
3. А. Хустский : Стариннѣ замки Подкарпатя. Ст. 104 въ иллюстраціями. Цѣна 80 фил.
4. П. С. : Смѣшныи лицарь (въ иллюстраціями). Ст. 104. Цѣна 1· - П.
5. Ф. Пасѣчникъ : Казка (пьеска для дѣтей). Ст. 35. Цѣна 50. ф.

●

Всѣ сесѣ выданы можно купити въ канцеларіи
Подкарпатского Общества Наукъ,
Унгваръ, Другетова площа чис. 21.